

Роль прецедентных феноменов Священного Писания в прозе А. И. Куприна 1920-х годов

Аннотация. Статья посвящена анализу малоизученных произведений А. И. Куприна 1920-х годов в аспекте выявления функциональности прецедентных феноменов Ветхого и Нового Заветов в художественных текстах и в эссеистике писателя. Исследование библейских аллюзий и реминисценций, а также символики названий купринских произведений позволяет более глубоко понять авторскую интенцию и уяснить способы создания художественных образов.

Ключевые слова: прецедентные феномены, поэтическое перекодирование, цитация текстов-рецепиентов, эссеистика, концептуальный смысл интертекстом, символика реминисцентная и аллюзийная.

Раздел: (05) филология; искусствоведение; культурология.

Прецедентные феномены, используемые при современном филологическом анализе, включают такой аспект, как различие типов интертекстуальности. Использование «чужого слова» (М. М. Бахтин) с поэтическим перекодированием в новом тексте является распространенным художественным приемом, применяемым в любых жанрах литературы. Известно, что «интертекстуальность обнаруживается не только в 20 веке и функционирует не только в качестве конструктивного принципа, о чем говорит история романа на протяжении многих веков его развития, в том числе в русской литературе» [1].

Присутствие в художественно-публицистическом тексте различных видов варьированных, полускрытых цитаций текстов предшествующей или современной автору культуры выполняет прежде всего функцию выражения авторского сознания, что создает возможность глубже понять концептуальный смысл произведений [2].

Источником подобного интертекста в прозе А. И. Куприна 1920-х годов, посвященной трагедии гражданской войны, стала библейская символика, опосредованно воссозданная писателем через русскую культуру 18–19 веков. Показательно в этом плане эссе А. И. Куприна «Купол Св. Исаакия Далматского» (1928 г.), построенное на противопоставлении традиционной и евангельской символики и знаковой системы «новой революционной эры».

Ставя точную дату происходящих в Гатчине событий, автор прочерчивает хронологический хронотоп от точки разрушения православного мира. В название произведения выносится чудо сияния куполов Исаакиевского собора как символ непоколебимости русского самодержавия и православия.

Интертекст жития преподобного Исаакия, смиренного и кроткого защитника православной веры, сумевшего милосердием добиться победы над римским императором Валентом, жестоко притеснявшего христиан, становится у Куприна образом церкви-спасительницы, символом защиты России небесными силами. Источником

интертекста является история церкви во имя малоизвестного на Руси византийского монаха 4 века, день памяти которого совпал с днем рождения царя Петра I.

Концептуально важным для писателя было то, что церковь Исаакия носила европейский, западнический характер: собор «занимал четвертое место в мире, уступая по размерам только куполам соборов в Риме, Лондоне и Флоренции, символизируя ясный Божественный свет» [3, с. 396].

При росписи собора главный горельеф западного фронтона, который назывался «Святой Исаакий и император Феодосий», запечатлел в образе византийского императора русского царя Николая I, а чертам Исаакия Далматского мастер придал сходство с лицом митрополита Серафима. Таким образом, божественная власть была в соборной росписи художественно соединена с властью светской, а Россия предстала как наследница Византии в сохранении православной веры. Борьба атеизма и веры – вот суть главного конфликта противостояния героев в произведении. Эта идея заложена уже в первые пейзажные описания Гатчины, которые как будто отражают в себе золото куполов и сливаются с лазурными росписями храмов. «Прекрасное золотое с лазурью холодное и ароматное утро» вмещает в себя несовместимое, поскольку описания природы «оксюморонны»: осень «сладко-грустная» напоминает «благоухание царственного имперского вина» (державная Русь) и тошнотворный запах тлена (революционная Русь); щедрое изобилие земли, сбор урожая сопровождается «шипением зловредной старушенции, едко произносящей идиотский лозунг, который выбросила революция» [4].

Природа дарит «полные, крепкие, нарядные, безупречные» плоды, а человек убивает высшее творение природы – своих братьев, уничтожает всё вокруг, превращая в «огненно золотые тающие хлопья пожарниц» города и села.

Антиномиями пронизано все пространство: вечное сияние неба и временное разорение земли; изобильный урожай и страшный голод; мужество, патриотизм русских солдат и разброд армии, разбой, бегство с поля боя (глава «Красная армия»).

На антиномиях построены названия глав, находящихся в сложных сопряжениях друг с другом. Так, первая глава «Добрая осень» включает символику добра, идущего от Бога, а следующая глава «Красная армия» в соединении с главой «Смерть и радость» несут знаки зла, которые усиливаются в третьей главе. Маркером авторского сознания здесь является фраза: Настоящее дурной сон, жестокое испытание, фантазия сумасшедшего» [5].

И все эти страшные перемены принес революционный переворот, а осуществляли развал страны бойцы Красной армии. Эта авторская мысль углубляется в главе «Яша», в которой звучит мудрая притча Соломона. В его наставлении царю Лемуилу есть мысль, что пьют вино только «огорченные душой, чтобы забыть бедность и страдания». Это выражение стало кредом Яши Файнштейна. Куприн назвал его «поэт жалкой, безграмотной, беспомощной музыки» [6]. Библейский интертекст свидетельствует, что Яша фанатично жаждал революции: «Я не раб, а честный коммунист, я за мировое братство» [7].

На самом деле герой Куприна проявляет крайний фанатизм и ненависть к окружающему его миру. Он принадлежит к «увядающему», но находящемуся в агонии поколению, которое и ввергло страну, по выражению писателя, в «предсмертную летаргию», в «могильную тьму».

«Огорченные душой», беспробудно пьяные – это те, которые подверглись обаянию «умозрительных идей Файнштейнов (намек на фанатизм содержится в самой фамилии, точнее в ее корневой основе «файн»), это те кто уподобился мышам, за-

гнанным в норы близостью голодного кота» [8]. Речь идет, прежде всего, о красноармейских солдатах: «Жалкие, изможденные, бледные», являвшие собой позорное зрелище, эти «русские разнесчастные обманутые Иваны», – по словам писателя [9], оказались в ловушке, поверив в революцию.

«Голодный кот» поглощает прежде всего будущее России, ее детей. Смерть властвует повсюду. Автор же вводит евангельский мотив, говорящий о неразрывной связи поколений: «Чтите отца и мать вашу и будет вам благо, и будете долголетны на земле» [10].

Куприн иллюстрирует грубое нарушение этой библейской заповеди в главе «Смерть и радость» на примере судьбы дореволюционного «дома для призрения старушек»: «Большевики, завладев властью, старушек выкинули, в один счет, на улицу, а дом напихали малолетними пролетарскими детьми. Заведовать же их бытием назначили необыкновенную девицу. Она была уже немолода, со следами бывшей роковой красоты, иссохшая в дьявольском огне неудовлетворенных страстей и неудач, с кирпично-красными пятнами на скулах и черными глазами, всегда горевшими пламенем лютой злобы, зависти и властолюбия» [11].

Дети умирали десятками, «отравившись какой-то ядовитой гадостью», а пьяница Федор выдавал трупы матерям, «беря по сто рублей за голову»: Цена небольшая, но денатурат был сравнительно недорог», – комментирует писатель [12]. Цинизм по отношению к детям так велик, что дети, которых пытались откормить и отогреть «буржуи», вызывали проклятия надзирательницы. Страшна сцена похорон девочки в белом платье, даже имя которой не интересует надзирательницу – революционерку.

«По плодам их узнаете их», [13] – эта библейская мудрость напоминает Куприн, когда он описывает агрессию и ненависть по отношению к «пролетарским детям». И надзирательница, и Яша не осознают тупик, в который ведут коммунистические идеи. Для них и им подобных «царизм – это кнут, рабство» [14]. Яша кричит: «Если придет белая сволочь, я влезу на пожарную колонну и буду бичевать оттуда опричников и золотопогонников словами Иереми. Я не раб, я честный коммунист, я горжусь этим званием.

– Убьют, Яша.

– Пустяки. В наши великие дни только негодяи боятся смерти.

– Вспомните о своих братьях евреях. Вы накликаете на них грозу.

– Плевать. Нет ни еврейского, ни русского народа. Вредный вздор народ. Есть человечество, есть мировое братство, объединенное прекрасным коммунистическим равноправием» [15].

Яша упоминает имя ветхозаветного пророка Иереми не случайно. В описании призвания пророка Иереми есть такое свидетельство: «И простер Господь руку Свою, и коснулся уст моих и сказал мне Господь: Я поставил тебя в сей день над народами и царствами, чтобы искоренять и разорять, губить и разрушать, созидать и насаждать» [16].

Великий пророк восставал против светских властей, «своей ревностью он навлек на себя преследование и сделался жертвой самой черной неблагодарности» [17]. Сопоставляя себя с пророком Иеремией, Яша проявляет гордыню, считает себя равным посланнику Бога, хотя, наоборот, им движет яростное безумие, а не доброта и жертвенность.

Для Куприна важно, что Иереми предсказал истребление народа, предавшего своего Бога: «Совершенно истреблю их и сделаю их ужасом и посмеянием и вечным запустением» [18].

«Яшина иеремиада» кончилась психиатрической лечебницей и расстрелом за яростные проклятия «всей контрреволюционной сволочи и ее вождей» [4, с. 25], – отмечает автор.

Интертекстуальная основа главы «Тяжёлая артиллерия» связана с «опьяняющей надеждой» автора, жаждой веры в возвращение прежней жизни, с выходом из «поганого погреба» послереволюционной жизни» [19]. Описывая «маленький лазарет» в своём доме, писатель Куприн подчёркивает патриотизм, любовь солдат ко всему русскому, их «неподдельную доброту, искренность, самопожертвование: «Как чутко у нас слушали солдаты чудесный квартет, как широко и свободно благодарили, как глубоко и умно понимали красоту русской песни, восстановленной в строжайших формах, очищенной как от ржавчины, от небрежности и плохого вкуса. Настоящими добрыми хозяевами тогда показывали себя солдаты... А как они слушали Гоголя!

Но в тот день с ними сладу не было. Они рвались вон из лазарета, в халатах, в туфлях, без шапок, как были.

– Сестра! Сестрица! Да пустите же. Ведь надо расцепить поезд. Ведь страшно-го ничего. Пустое дело.

И не будь крепких невидимых вожжей в руках маленькой женщины, конечно, все десятеро удрали бы на вокзал расцеплять поездной состав. Кстати, он и был потом расцеплен. Это сделал тринадцатилетний мальчуган, сын стрелочника. Он спас от взрыва девять двойных платформ, нагруженных снарядами для тяжёлых орудий» [20].

Автор эссе не понимает, как «все эти дорогие моему сердцу, чудесные солдаты: Николенко, Балан, Дисненко, Тузов, Субуханкулов, Курицын, Буров и другие – могли быть потом вовлечены мутным потоком грязи и крови в нелепую «борьбу пролетариата». Куприн делает вывод с помощью интертекста: «Но русскому человеку вовсе не мудрено прожить годы разбойником, а после внезапно раздать награбленное нищим и, поступив в монастырь, принять схиму» [21]. Реминисценция на разбойника Кудеяра из поэмы Н. А. Некрасова позволяет понять многое.

Смысл выражения «тяжёлая артиллерия» заключается в том, что Куприным осознаётся тяжесть греха, в который вовлекаются народы, тяжесть его последствий и неподъёмность покаяния, которое может его искоренить «в глазах Божиих». Поэтому следующие главы «Шведы» и «Широкие души» добавляют к характеристике исконного русского характера новые штрихи: это благородное мужество, великое чуждое и надежда на высшие силы.

Выражение «широкие души» представляет собой скрытую аллюзивную цитату из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», реминисценцию образа Дмитрия Карамазова («Широк человек, я бы сузил»). К положительным характеризующим чертам русской ментальности добавляются отрицательные: способность на бунтарство, приверженность русского человека к «житейской вороватости». Автор резюмирует: «Злые мелочи не отвратили и не оттолкнули умную американскую благотворительность»; внеся через головы русской общественности чисто практическое решение, они стали контролировать, чтобы продукты попадали «в детские рты» [22].

Главы «Хромой чёрт», «Красные уши», «Лунатики» и другие посвящены изображению боевой удали, находчивости русского человека вообще: и белогвардейцев, и красноармейцев. Первые, твёрдо веря в Бога, не боялись идти на самые опасные рискованные операции (комендант Лавров, генерал Пермикин). Концепт слова «чёрт» включает положительную народно-бытовую коннотацию: шустрый, ушлый, с лёгкостью выходящий из любых сложных ситуаций человек.

«Лунатиками» названы бесстрашные русские солдаты, которые так безрассудно храбро сражались на поле боя, находясь на грани жизни и смерти, как лунатик, не осознавая опасности, ходит по кромке крыши.

Куприн объявил себя в эссе «пламенным бардом Северо-Западной Армии». «Я никогда не устану удивляться её героизму и воспевать его», – подчёркивал русский писатель [23]. Он использовал при воссоздании картины трагического наступления Северо-Западной Армии полковые и дивизионные архивы и собственные наблюдения. Именно после хроники трагических событий автор размещает концептуальную седьмую главу эссе «Купол Св. Исаакия Далматского», которой почти завершается повествование.

В центре трагедии предательство иуды-генерала Северо-Западной Армии генерала Ветренко, которое офицеры назовут «непростительным поступком, обусловленным непомерным честолюбием». Но автор эссе уверен, что это было именно преступление против «России православной». Не случайно после этого эпизода безымянный поручик рассказал, что все воины видели чудо: невероятный блеск Исаакиевского собора: «Он, милый, единственный на свете. Здания не видно, а купол так и светит, так и переливается, так и дрожит в воздухе» [24].

Появление на небе, далеко от столицы, золотого купола символизирует надежду на прощение и помощь небесных сил; поэтому все, кто слышал рассказ молодого поручика, перекрестились. Куприн пишет: «Весть эта обежала всю Гатчину, как электрический ток. Весь день я только и слышал о куполе Св. Исаакия. Какое счастье даёт надежда! Её называют крылатой, от неё расширяется сердце, и душа стремится ввысь, в синее, холодное, осеннее небо. Свобода! Какое чудесное и влекущее слово! Ходить, ездить, спать, есть, говорить, думать, молиться, работать – всё это завтра можно будет делать без идиотского контроля, без выключенного, унижающего разрешения, без грубого, вздорного запрета. И главное – неприкосновенность дома, жилья... Свобода!» [25].

Но, может быть, потому, что все вокруг больше думают о земном благополучии, чем о спасительности для души православной веры, рьяно уничтожаемой большевиками, «упоительная надежда» оказывается «быстротечной». Последняя глава «Отступление» подтверждает это введением евангельского контекста.

Куприн действительно, вновь и вновь, проводит мысль, что революция и гражданская война отразили борьбу веры и атеизма. Рассказывая об отношении белогвардейцев к пленным, автор пишет: «Многие коммунисты умирали смело. Вот что рассказывал офицер, которому, по наряду, пришлось присутствовать при расстреле двух коммунистов.

– По дороге я остановил конвой и спросил одного из них, красного, волосатого, худого и злющего: «Не хочешь ли помолиться?» Он отрыгнул такую бешенную хулу на Бога, Иисуса Христа и Владычицу Небесную, что мне сделалось противно. А когда я предложил то же самое другому, по одежде матросу, он наклонился к моему уху, насколько ему позволяла верёвка, стягивающая сзади его руки, и произнёс тихо, с глубоким убеждением:

– Всё равно Бог не простит нас.

Об этом «Всё равно Бог не простит...» стоит подумать побольше. Не сквозит ли в нём пламенная, но поруганная вера?» [26].

Писатель уверен, что «красных» обманули большевики. Красноармеец, находясь в плену, признался, что русские песни, которые поют «белые», вызывают у всех слёзы: «Это тебе не «тырционал» [27]. Изменение слова «интернационал» бывшим русским мужиком показывает, что им не только не понимается смысл иностранного слова, но и придаётся ему (как у героев Н. С. Лескова) иной, но точный, истинный смысл, отражающий насильственный, обманный путь вовлечения простых людей в

революцию. Корень «тыр» – «тыркать» означает резкий толчок и передаёт истинное отношение русского народа к чуждой ему идеологии коммунизма и космополитизма.

Тем самым в эссе намечено противостояние яш файнштейнов и «незнакомых оборванных солдат» и офицеров, которым генерал Пермикин говорит: «Понимаем громадное преобладание добра над злом. Война не страшна ни мне, ни вам. Ужасно то, что братьям довелось убивать братьев. Чем скорее мы её покончим, тем меньше жертв. Потому забудем усталость. Станем появляться сразу во всех местах. Но жителей не обижать. Пленному первый кусок. Для большевиков всякий солдат, свой и чужой, – ходячее пушечное мясо. Для нас он прежде всего человек, брат и русский» [28].

Русские и «белые», и «красные» противопоставлены в эссе иностранцам, особенно «англичанам», которые давно «отпали от истинной веры» и совершают явное и скрытое предательство по отношению к России. Поняв, что совершился великий обман, что говоря языком Евангелия «в протянутую сыном руку вместо хлеба вложен камень, а вместо рыбы – змея», автор эссе не теряет последней надежды. Над страной «прекрасное золотое утро «сменяет» чёрная, как чернила ночь»: «Наступили холодные, дождливые дни и мокрые ночи, чёрные, как чернила, без единой звезды. По ночам было видно, как за непроницаемою тьмою далее полыхали зарева пожаров и бродили по небу, склоняясь к земле, дымные, голубоватые лучи прожекторов. И там же воображение рисовало невидимых бессонных героев и страстотерпцев, совершающих, ради счастья Родины, несказуемо великий подвиг» [29].

Переживая страшный разгром Белой гвардии, Куприн подчёркивает, что русские всё-таки остаются «с Христом» в своих «широких душах»: «Люди кучами замерзают в эту ночь. Потом Нарва, Ревель и бараки, заваленные русскими воинами, умирающими от тифа. В бараках солдаты служили офицерам и офицеры солдатам» [30].

В финале эссе вновь звучит библейский интертекст: «Я ... склоняю почтительно голову перед героями всех добровольческих армий отрядов, полагавших бескорыстно и самоотверженно душу свою за други своя» [31]. «Положить душу свою за други своя» – значит спасти её» [32]. Эта евангельская цитата выражает концептуальную идею произведения: гибель Белой гвардии – результат борьбы за Православную Русь, а значит, кровавые жертвы дадут новые прекрасные всходы воскресшей России.

Таким образом, использование различных интертекстов из Ветхого и Нового заветов в прозе 1920-х годов помогают А. И. Куприну художественно воссоздать все оттенки великого идеологического обмана, разрушившего Великую Российскую империю, выразить уверенность, что сквозь ужас братоубийственной войны наступит возрождение Православной Руси, охарактеризовать концептуальные черты русского характера.

Ссылки на источники

1. Эсалнек А. Л. Русский роман в аспекте интертекстуальности // Русская словесность. 2012. – № 56. – С. 12.
2. Любезная Е. В. Авторские жанры в художественной публицистике и прозе Татьяны Толстой. Дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006. – С. 20.
3. Русские храмы // ред. Группа: Т. Каширина, Т. Евсеева. – М.: Мир энциклопедий Аванта +6 Астрель, 2008. – С. 396.
4. Куприн А. И. Купол Св. Исаакия Далматского // Грани, 1978. – № 9. – С. 2.
5. Там же с. 11.
6. Любезная Е. В. Авторские жанры в художественной публицистике и прозе Татьяны Толстой. Дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006. – С. 12.
7. Там же с. 12.
8. Куприн А. И. Купол Св. Исаакия Далматского // Грани, 1978. – № 9. – С. 5.
9. Там же с. 6.

ART 14667

УДК 882

10. Второзаконие Глава 5 – Русский Синодальный Перевод: 16. [Электронный ресурс] URL: <http://horoshoe.info/bible/1/DEU/5/16>.
11. Куприн А. И. Купол Св. Исаакия Далматского // Грани, 1978. – № 9. – С. 10.
12. Там же с. 10.
13. Евангелие от Матфея. [Электронный ресурс] URL: http://krotov.info/library/02_b/bible_slav/matfey.htm.
14. Куприн А. И. Купол Св. Исаакия Далматского // Грани, 1978. – № 9. – С. 13.
15. Там же с. 14.
16. Книга пророка Иеремии: гл. 1:9 [Электронный ресурс] URL: http://krotov.info/library/02_b/bible/29_jerem.html.
17. Библейско-биографический словарь, или жизнеописание всех лиц, упоминаемых в священных книгах Ветхого и Нового заветов.// Сост. Ф. И. Яцкевич, П. Я. Благовещенский. – М. Фаир-ПРЕСС, 2000. – С. 251.
18. Книга пророка Иеремии: гл. 1:9 [Электронный ресурс] URL: http://krotov.info/library/02_b/bible/29_jerem.html.
19. Куприн А. И. Купол Св. Исаакия Далматского // Грани, 1978. – № 9. – С. 15.
20. Там же с. 18.
21. Там же с. 18.
22. Там же с. 24.
23. Там же с. 44.
24. Там же с. 51.
25. Там же с. 51.
26. Там же с. 52.
27. Там же с. 53.
28. Там же с. 53.
29. Там же с. 54.
30. Там же с. 54.
31. Там же с. 54.
32. Евангелие от Иоанна: Глава 15: 13 [Электронный ресурс] URL: <http://www.av575.ru/loann-glava-15.html>.

Irina Popova,

*doctor of Philology, Professor, head of Russian language Department
FSBEI HPE «Tambov State Technical University», Tambov*

lv82@mail.ru

Tamara Gubanova,

*candidate of Philological Sciences, associate professor, Russian Philology
Department. FSBEI HPE Tambov state technical university, Tambov*

**The role of precedent phenomena of the Holy Scriptures in A.I
Kuprin's prose in 1920-s**

Abstract. The article deals with the analysis of Kuprin's little-studied works from the point of view of precedent phenomena usage of Old and New Testament in his stories and essay prose. Researches of The Bible allusions and reminiscences as well as symbolic titles of Kuprin's stories contribute to deep insight into the author's intention and ways of creating artistic images.

Key words: precedent phenomena, poetic encoding, citation of texts-recipients, essay prose, concept of intertext units, symbolic of reminiscence and allusion.

Рекомендовано к публикации:

Некрасовой Г.Н., доктором педагогических наук, профессором, членом редакционной коллегии журнала «Концепт»

ISSN 2304-120X

9 772304 120142

2 5